

Факторы-предикторы достижения полного лекарственного патоморфоза при неоадьювантной химиотерапии первично-операбельного рака молочной железы

О.А.Павликова^{✉1}, И.В.Колядина^{1,2}, Д.В.Комов², Я.В.Вишневецкая², И.В.Поддубная^{1,2}

¹ФГБОУ ДПО «Российская медицинская академия непрерывного профессионального образования» Минздрава России. 125993, Россия, Москва, ул. Баррикадная, д. 2/1;

²ФГБУ «Российский онкологический научный центр им. Н.Н.Блохина» Минздрава России. 115478, Россия, Москва, Каширское ш., д. 23

[✉]pavlikova.olga@mail.ru

Цель исследования – определить факторы-предикторы достижения полного лекарственного патоморфоза (pCR) при неоадьювантной химиотерапии первично-операбельного рака молочной железы (РМЖ).

Материалы и методы. Проанализирована частота достижения pCR при различных клинических факторах и биологических характеристиках карцином у 164 пациенток (24–76 лет; медиана возраста – 47 лет), получивших лечение в ФГБУ «РОНЦ им Н.Н.Блохина» в период с 2004 по 2016 г.

Результаты. Факторами-предикторами достижения pCR при первично-операбельном РМЖ являлись гормононегативный статус опухоли, наличие гиперэкспрессии (или амплификации) HER2, высокий уровень Ki-67 и G3 степень дифференцировки опухоли ($p < 0,05$). Крайне низкая частота pCR отмечена для больных с люминальным HER2-негативным раком (0% – для люминального А и 10,7% – для люминального В подтипа); наибольшая частота pCR зарегистрирована при нелюминальных HER2+ карциномах (50%), при люминальных HER2+ опухолях (38,1%) и для больных с тройным негативным раком (34,5%), $p = 0,003$. Частота достижения pCR зависела от режима неоадьювантной химиотерапии: 71,4% pCR отмечено при применении последовательных режимов антрациклинов, таксанов и платины, 58,3% – при химиотерапии таксанами и платиной, 51,7% – при химиотерапии антрациклинами и таксанами, $p = 0,001$. При проведении неоадьювантной химиотерапии с трастузумабом при HER2+ РМЖ доля pCR достигла 71,4%, $p = 0,001$.

Выводы. Оптимально назначение неоадьювантной химиотерапии при первично-операбельном РМЖ больным с HER2+ карциномами (при условии применения трастузумаба) и при тройном негативном РМЖ. Неоадьювантная химиотерапия люминального HER2-негативного РМЖ ассоциируется с крайне низкой частотой достижения pCR, что делает ее нецелесообразной в данной когорте больных.

Ключевые слова: предоперационная/неоадьювантная лекарственная терапия, первично-операбельный рак молочной железы, полный лекарственный патоморфоз (pCR), факторы-предикторы достижения полного лекарственного патоморфоза, биологический подтип рака молочной железы.

Для цитирования: Павликова О.А., Колядина И.В., Комов Д.В. и др. Факторы-предикторы достижения полного лекарственного патоморфоза при неоадьювантной химиотерапии первично-операбельного рака молочной железы. Современная Онкология. 2017; 19 (1): 24–29.

Original article

Predictive factors of achievement pathological complete response at neoadjuvant chemotherapy of primary operable breast cancer

O.A.Pavlikova^{✉1}, I.V.Kolyadina^{1,2}, D.V.Komov², Ya.V.Vishnevskaya², I.V.Poddubnaya^{1,2}

¹Russian Medical Academy of Continuous Professional Education of the Ministry of Health of the Russian Federation. 125993, Russian Federation, Moscow, ul. Barrikadnaia, d. 2/1;

²N.N.Blokhin Russian Cancer Research Center of the Ministry of Health of the Russian Federation. 115478, Russian Federation, Moscow, Kashirskoe sh., d. 23

[✉]pavlikova.olga@mail.ru

Abstract

Objective. To study the predictive factors of achievement pathological complete response (pCR) at neoadjuvant chemotherapy primary operable breast cancer.

Materials and methods. Analyze of the rate of pCR after neoadjuvant systemic therapy in different clinical factors and biological characteristics was made for 164 patients (24–76 years; median – 47 years) treated in RCRC from 2004 to 2016.

Results. Predictive factors for high rate of pCR after neoadjuvant systemic therapy in primary operable breast cancer were hormone negative status, HER2-overexpression, Ki-67 $\geq$ 20% and Grade 3 of tumors, $p < 0.05$. Extremely low frequency of pCR was observed for HER2- negative luminal cancer (0% – for luminal A and 10.7% – for luminal B subtype); the highest rate of pCR was seen in HER2+ breast carcinomas (50% – non luminal; 38.1% – luminal) and in patients with triple-negative cancers (34.5%), $p = 0.003$. The rate of pCR depends from type of neoadjuvant chemotherapy: the highest rate pCR (71.4%) was seen in serial combination anthracycline → taxanes

and platinum regimes; 58.3% – in taxanes and platinum combination; 51.7% – in anthracycline and taxanes combination, $p=0.001$. Neoadjuvant chemotherapy with trastuzumab in HER2 + breast cancer reached the highest pCR (71.4%), $p=0.001$.

Conclusions. The optimal assignments of neoadjuvant chemotherapy in primary operable breast cancer are the patients with HER2+ carcinomas (at adding trastuzumab) and triple negative breast cancer. Neoadjuvant chemotherapy in luminal HER2-negative breast cancer is associated with very low rate of pCR, which makes it inappropriate in this cohort of patients.

Key words: preoperative/neoadjuvant systemic therapy, primary operable breast cancer, pathological complete response (pCR), predictive factors of achievement pathological complete response, biological subtype breast cancer.

For citation: Pavlikova O.A., Kolyadina I.V., Komov D.V. et al. Predictive factors of achievement pathological complete response at neoadjuvant chemotherapy of primary operable breast cancer. Journal of Modern Oncology. 2017; 19 (1): 24–29.

В последние годы в онкологическом научном мире активно обсуждается вопрос о целесообразности проведения неoadъювантной (предоперационной) системной терапии при первично-операбельных стадиях рака молочной железы (PMЖ) [1, 2]. Термин «неoadъювантная терапия» подразумевает проведение системной терапии (химиотерапии, эндокринотерапии, анти-HER2-терапии) перед радикальным хирургическим вмешательством [1]. В отличие от местнораспространенного PMЖ, при котором лишь после эффективной индукционной системной терапии может быть выполнен хирургический этап лечения, для пациенток с первично-операбельными стадиями (T1-3N0-1) возможен оба подхода: радикальная операция с последующим адъювантным лечением и неoadъювантная химиотерапия (НАХТ) с последующим радикальным хирургическим лечением [1]. Проведение лекарственной терапии в качестве иницирующего этапа при первично-операбельном PMЖ позволяет улучшить эстетические результаты лечения (увеличить долю органосохраняющих операций), оценить ответ опухоли на проведенное лечение, улучшить показатели отдаленной выживаемости в случае достижения полного регресса карциномы [3–5].

С внедрением неoadъювантного лекарственного подхода в лечении злокачественных опухолей появилось понятие лечебный (лекарственный) патоморфоз – морфологические изменения в опухоли под воздействием лекарственного лечения [6, 7]. Эффективность предоперационной системной терапии определяется субъективными, объективными и морфологическими данными. Субъективный клинический ответ оценивается физикально (пальпаторно), объективный клинический ответ включает ответ опухоли и пораженных регионарных лимфатических узлов на проводимое лекарственное лечение посредством инструментальных методов исследования (ультразвуковое исследование, маммография, магнитно-резонансная томография молочных желез). Однако самым важным является морфологический ответ опухоли на проводимое лекарственное лечение, который определяется при исследовании операционного или биопсийного материала [7, 8].

Существуют различные системы оценки лечебного патоморфоза; в нашей стране в клинической практике наиболее часто используются шкалы оценки лекарственного патоморфоза, предложенные еще в 1972 г. Г.А.Лавниковой и в 1977 г. Е.Ф.Лушниковым [9, 10]. В настоящее время наиболее объективной признана система RCB (Residual Cancer Burden – «ложе остаточной опухоли»), которая подразумевает использование расчетного индекса, по величине которого судят о прогнозе, при этом полному лекарственному патоморфозу (pCR) соответствует нулевое значение индекса и отсутствие регионарных метастазов. Для подсчета используется онлайн-калькулятор (www.mdanderson.org/breastcancer_rcb), который позволяет определить риск отдаленного метастазирования для каждой больной [9, 11–15].

В 2014 г. US Food and Drug Administration (FDA) опубликовали результаты метаанализа CTNeoBC (Clinical Trials of Neoadjuvant treatment of Breast Cancer), посвященного оценке частоты достижения pCR опухоли на неoadъювантное лечение и его влияния на показатели выживаемости [16] (рис. 1). В метаанализ CTNeoBC объединены 12 рандомизированных исследований (NSABP, EORTC и др.), включающие 11 955 больных первично-операбельным и местнораспространенным PMЖ с проведенным неoadъювантным лечением. Авторы проанализировали частоту достижения pCR при

различных биологических подтипах PMЖ и влияние достигнутого ответа на показатели отдаленной выживаемости. Результаты данного метаанализа показали существенные различия в частоте достижения pCR при различных биологических подтипах PMЖ. Так, достижение pCR чаще отмечено при нелюминальных HER2+ PMЖ при включении трастузумаба в неoadъювантные режимы (в 50% случаев), в то время как при отсутствии анти-HER2-терапии частота достижения pCR составила 31%. Следующими по частоте достижения pCR были опухоли с тройным негативным фенотипом, при которых полный регресс после НАХТ составил 34%. У больных люминальным В HER2+ PMЖ при применении химиотерапии с трастузумабом частота достижения pCR была значимо выше, чем при отсутствии трастузумаба (30 против 18% соответственно). Реже частота достижения pCR наблюдалась при люминальных HER2-негативных А и В карциномах: 16 и 7% соответственно. Таким образом, авторами доказано, что частота достижения pCR зависит от биологического подтипа PMЖ, степени дифференцировки опухоли и адекватно подобранного режима лечения [16, 17].

Для российской популяции женщин частота достижения pCR после предоперационной системной терапии первично-операбельного PMЖ недостаточно изучена; при этом поиск маркеров-предикторов потенциально высокого ответа опухоли играет важную роль в индивидуализации лечения, что и послужило основанием для проведения данного научного исследования.

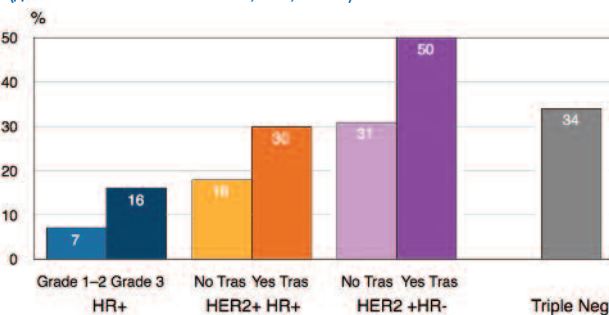
Цель исследования

Изучить частоту достижения pCR при различных биологических подтипах и определить факторы-предикторы высокого ответа опухоли на проводимое неoadъювантное лечение при первично-операбельном PMЖ.

Материалы и методы

В исследование включены 164 пациентки со стадией заболевания T1-3N0-1M0 PMЖ, получивших лечение в ФГБУ «РОИЦ им Н.Н. Блохина» в период с 2004 по 2016 г. Возраст пациенток, включенных в исследование, составил 24–76 лет (медиана – 47 лет). Распределение гистологического типа опухолей было следующим: преобладал инфильтративный рак неспецифического типа – 130 (89,7%) случаев, реже встречался дольковый рак – 8 (5,5%) случаев, смешанный

Рис. 1. Частота достижения pCR при различных биологических подтипах PMЖ (данные метаанализа CTNeoBC, FDA, 2014 г.).

Примечание. Grade – степень злокачественности, no Tras – без трастузумаба, yes Tras – с трастузумабом, HR+ – гормонорезистентный подтип, HER2+ HR+ – люминальный HER2+ подтип, HER2+ HR- – нелюминальный HER2+ подтип, Triple Neg – тройной негативный подтип.

Таблица 1. Взаимосвязь клинических и морфологических факторов со степенью морфологического ответа опухоли на НАХТ						
Фактор	Число больных, n (%)	Степень патоморфоза по Г.А.Лавниковой				
		0	1	2	3	4 (pCR)
Возраст больных, лет						
Менее 45	68 (41,5%)	3,4%	27,1%	32,2%	13,6%	23,7%
45–59	71 (43,3%)	8,6%	36,1%	19%	13,8%	22,4%
60 и более	25 (15,2%)	4,3%	34,8%	17,4%	21,7%	21,7%
Достоверность, p		0,667				
Менструальный статус						
Менопауза	53 (32,5%)	2,2%	39,1%	15,2%	19,6%	23,9%
Пременопауза	97 (59,5%)	6,1%	29,3%	30,5%	12,2%	22%
Перименопауза	13 (8%)	16,7%	25%	16,7%	16,7%	25%
Достоверность, p		0,346				
Стадия РМЖ						
IIA	37 (22,6%)	10%	46,73%	23,3%	6,7%	13,3%
IIB	79 (48,2%)	5,8%	29%	18,8%	15,9%	30,4%
IIIA	48 (29,3%)	2,4%	26,8%	34,1%	19,5%	17,1%
Достоверность, p		0,139				
Локализация опухоли						
Центральный отдел	8 (5,3%)	0	25%	12,5%	50%	12,5%
Внутренние квадранты	35 (23,3%)	6,5%	38,7%	22,6%	6,5%	25,8%
Наружные квадранты	96 (64%)	7,1%	34,1%	24,7%	12,9%	21,2%
Мультицентричный РМЖ	11 (7,3%)	0	0	37,5%	12,5%	50%
Достоверность, p		0,135				
Размер опухоли (T)						
T1	5 (3%)	0	80%	20%	0	0
T2	99 (60,4%)	7,2%	32,5%	19,3%	14,5%	26,5%
T3	60 (36,6%)	3,8%	26,9%	32,7%	17,3%	19,2%
Достоверность, p		0,249				
Статус лимфоузлов (N)						
N0	41 (25%)	11,1%	36,1%	25%	8,3%	19,4%
N1	123 (75%)	3,8%	30,8%	24%	17,3%	24%
Достоверность, p		0,355				
Мультицентричность						
Нет	153 (93,3%)	6,2%	33,1%	25,4%	12,3%	23,1%
Есть	11 (6,7%)	0	20%	10%	50%	20%
Достоверность, p		0,170				
Гистологический тип						
Протоковый рак	130 (89,7%)	7%	29,6%	22,6%	17,4%	23,5%
Дольковый рак	8 (5,5%)	0	25%	37,5%	0	37,5%
Смешанный рак	1 (0,7%)	0	100%	0	0	0
Другие (редкие)	6 (4,3%)	0	25%	50%	0	25%
Достоверность, p		0,676				
Степень анаплазии (G)						
G1	6 (5,8%)	0	100%	0	0	0
G2	69 (67%)	3,4%	27,1%	23,7%	20,3%	25,4%
G3	28 (27,2%)	4,2%	12,5	33,3%	8,3%	45,8%
Достоверность, p		0,012				
Статус ER						
ER-	57 (40,4%)	7,8%	19,6%	17,6%	17,6%	37,3%
ER+	84 (59,6%)	5,6%	33,3%	29,2%	15,3%	16,7%
Достоверность, p		0,025				

рак и другие типы РМЖ отмечены всего у 7 (4,8%) пациенток. Опухоль имела строение высокодифференцированно-го рака G1 у 6 (5,8%) пациенток, G2 – у 69 (67%), G3 – в 28 (27,2%) случаях. Большинство женщин, включенных в ис-

Таблица 1. Взаимосвязь клинических и морфологических факторов со степенью морфологического ответа опухоли на НАХТ (продолжение)

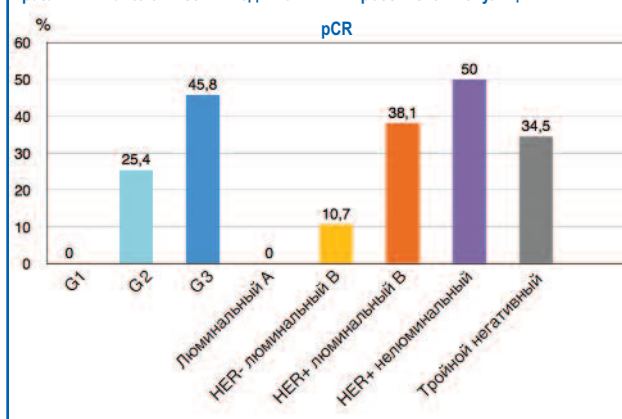
Фактор	Число больных, n (%)	Степень патоморфоза по Г.А.Лавниковой				
		0	1	2	3	4 (pCR)
Статус PR						
PR-	64 (45,4%)	5,3%	24,6%	19,3%	17,5%	33,3%
PR+	77 (54,6%)	7,6%	30,3%	28,8%	15,2%	18,2%
Достоверность, <i>p</i>		0,046				
HER2-статус						
HER2-негативный	98 (72,1%)	4,7%	35,3%	23,5%	17,6%	18,8%
HER2-позитивный	38 (27,9%)	11,8%	8,8%	20,6%	14,7%	44,1%
Достоверность, <i>p</i>		0,007				
Ki-67						
Ki-67<20%	17 (18,7%)	0	42,9%	21,4%	14,3%	21,4%
Ki-67≥20%	74 (81,3%)	1,6%	25,4%	14,3%	15,9%	42,9%
Достоверность, <i>p</i>		0,017				
Биологический подтип						
Люминальный А	12 (8,1%)	0	77,8%	11,1%	11,1%	0
Люминальный В HER-	65 (43,6%)	7,1%	44,6%	25%	12,5%	10,7%
Люминальный В HER+	23 (15,4%)	4,8%	4,8%	33,3%	19%	38,1%
Тройной негативный	34 (22,8%)	3,4%	20,7%	20,7%	20,7%	34,5%
Нелюминальный HER+	15 (10,1%)	14,3%	14,3%	7,1%	14,3%	50%
Достоверность, <i>p</i>		0,003				

следование, имели II стадию заболевания: ПА (T2N0M0, T1N1M0) – 37 (22,6%) случаев; ИВ (T2N1M0, T3N0M0) – 79 (48,2%) женщин. Реже была отмечена IIIA стадия – у 48 (29,3%) пациенток. Экспрессия рецепторов эстрогенов (ER) в опухолевых клетках выявлена в 84 (59,6%) случаев, отрицательный статус ER был отмечен у 57 (40,7%) больных; экспрессия рецепторов прогестерона (PR) выявлена в 77 (54,6%) опухолях и отсутствовала в 64 (45,4%). HER2-положительный статус опухоли был установлен у 38 (27,9%) из 136 случаев. Высокий индекс пролиферативной активности опухоли Ki-67>20% был зафиксирован в большинстве случаев (n=74; 81,3%); низкая пролиферативная активность (Ki-67<20%) была характерна лишь для 17 (18,7%) карцином. Распределение опухолей по биологическим подтипам было следующим: люминальный А рак – 12 (8,1%) случаев; HER2 негативный люминальный В – 65 (43,6%) случаев; HER2+ люминальный В – 23 (15,4%); нелюминальный HER2+ подтип отмечен у 15 (10,1%) больных и тройной негативный рак – у 34 (22,8%) пациенток.

Всем больным на первом этапе лечения проведена предоперационная химиотерапия от 2 до 9 циклов (медиана циклов химиотерапии – 4). Распределение режимов НАХТ было следующим: антрациклин-содержащие режимы (CAF, FAC, AC, EC) использованы у 95 (59,7%) женщин; режимы с таксанами – у 3 (1,9%) больных; комбинации антрациклинов и таксанов – у 37 (23,3%) пациенток; режимы с платиной (антрациклин-содержащие режимы + таксаны + препараты платины, таксаны + препараты платины, антрациклины + препараты платины) проведены 24 (15,1%) больным. НАХТ с трастузумабом при HER2+ РМЖ использована в 24 (63,2%) из 38 случаев.

После проведения неoadъювантного лечения все пациентки были радикально оперированы: радикальная мастэктомия выполнена в 67,1% случаев, а органосохраняющее лечение (радикальная резекция со стандартной регионарной лимфодиссекцией) в 32,9%. Морфологическая оценка данных включала оценку степени достижения pCR опухоли по классификации Г.А.Лавниковой. Нами проанализирована степень достижения pCR при различных клинических факторах и биологических характеристиках карцином. Статистический анализ полученных результатов выполнен с использованием международной статической программы SPSS 20.0, различия считались достоверными при $p < 0,05$.

Рис. 2. Частота достижения pCR при степени злокачественности G1–3 и при различных биологических подтипах РМЖ в российской популяции.

Результаты

При анализе не получено статистически достоверной зависимости вероятности достижения pCR от следующих факторов: локализации опухолевого очага в молочной железе ($p=0,135$), мультицентричности опухоли ($p=0,170$), размера карциномы – T ($p=0,249$), статуса регионарных лимфатических узлов – N ($p=0,355$), стадии заболевания ($p=0,139$). Также не было выявлено взаимосвязи между достижением pCR и возрастом больных ($p=0,667$), их менструальным статусом ($p=0,346$) и гистологическим типом опухоли; $p=0,676$ (табл. 1).

В противоположность этому факторами-предикторами полного ответа опухоли на проведенное системное лечение были: гормононегативный статус опухоли, HER2+ статус (HER2+++ или наличие амплификации гена HER2 при FISH-исследовании), высокий уровень Ki-67 и G3 степень дифференцировки опухоли ($p < 0,05$). Так, при отсутствии экспрессии ER в первичной опухоли частота достижения pCR в 2 раза выше, чем при гормонопозитивном статусе (37,3 против 16,7%, $p=0,025$). Аналогичные данные отмечены и для рецепторов прогестерона: 33,3 против 18,2%, $p=0,046$ (см. табл. 1).

Таблица 2. Роль режима НАХТ первично-операбельного РМЖ в достижении pCR						
Фактор	Число больных, n (%)	Степень патоморфоза по Г.А.Лавниковой				
		0	1	2	3	4 (pCR)
Период лечения, годы						
2004–2007	34 (20,7%)	6,2%	37,5%	43,8%	12,5%	0
2008–2010	25 (15,2%)	15%	25%	30%	20%	10%
2011–2013	33 (20,1%)	3,3%	43,3%	16,7%	13,3%	23,3%
2014–2016	72 (43,9%)	3,4%	25,9%	15,5%	15,5%	39,7%
Достоверность, p		0,002				
Число курсов НАХТ						
4 и менее	81 (50,6%)	9,7%	36,1%	30,6%	18,1%	5,6%
5 и более	79 (49,4%)	1,5%	26,9%	17,9%	11,9%	41,8%
Достоверность, p		0,001				
Схема НАХТ						
Антрациклины (А)	95 (59,7%)	8,2%	38,8%	32,9%	16,5%	3,5%
Таксаны (Т)	3 (1,9%)	33,3%	0	33,3%	0	33,3%
Антрациклины → Таксаны (А→Т)	37 (23,3%)	0	24,1%	10,3%	13,8%	51,7%
А→Т + препараты платины	9 (5,7%)	0	0	0	28,6%	71,4%
Таксаны + препараты платины	13 (7,9%)	0	25%	8,3%	8,3%	58,3%
Антрациклины + препараты платины	2 (1,3%)	0	0	50%	0	50%
Достоверность, p		0,001				
Трастузумаб при HER2+ РМЖ						
Не применялся	14 (36,8%)	21,4%	14,3%	35,7%	28,6%	0
Применялся	24 (63,2%)	4,8%	4,8%	9,5%	9,5%	71,4%
Достоверность, p		0,001				

Достижение pCR значимо коррелировало со степенью дифференцировки опухоли: максимальная частота достижения pCR была характерна для пациенток с низкодифференцированными карциномами (G3) – 45,8%, в то время как при опухолях G2 частота pCR составила 25,4%, а у пациенток с высокодифференцированными карциномами (G1) не было зарегистрировано ни одного случая достижения полного ответа ($p=0,012$). Индекс пролиферативной активности Ki-67 был еще одним предиктором pCR: при Ki-67 $\geq 20\%$ pCR достигнут в 42,9% случаев, а при Ki-67 $< 20\%$ – в 21,4% случаев ($p=0,017$). HER2+ статус опухоли значимо ассоциировался с высокой частотой достижения pCR (44,1%), в то время как у больных HER2-негативными опухолями достижение pCR составило всего 18,8%, $p=0,007$ (см. табл. 1).

Наиболее значимые различия нами выявлены при анализе биологических подтипов РМЖ: в подгруппе пациенток с люминальными А карциномами не было зарегистрировано ни одного случая достижения pCR на проводимую НАХТ. Низкая частота pCR (10,7%) отмечена и при HER2-негативных люминальных В подтипах опухоли. Наибольшая частота достижения pCR была зарегистрирована в группе пациенток с нелюминальными HER2+ карциномами (50%), высокая доля pCR была характерна для HER2+ люминального подтипа (38,1%) и для тройного негативного рака (34,5%), см. табл. 1.

При анализе периодов лечения пациенток (2004–2007 гг., 2008–2010 гг., 2011–2013 гг., 2014–2016 гг.) отмечено прогрессивное увеличение доли pCR, что, вероятнее всего, связано с эволюцией неoadъювантного лечения РМЖ. Если в период с 2004 по 2007 г. не было зарегистрировано ни одного случая достижения pCR, то в период с 2014 по 2016 г. частота полного ответа составила уже 39,7% ($p=0,002$).

Стоит отметить и тот факт, что достижение pCR напрямую связано и с количеством проведенных циклов НАХТ:

при проведении 5 и более циклов доля pCR была значимо выше, чем при проведении 4 циклов и менее (41,8 против 5,6%, $p=0,001$). Весомую роль в достижении pCR имел и режим НАХТ: максимальный результат (71,4% pCR) был достигнут при применении схемы НАХТ: 4 антрациклины + 4 таксаны + препараты платины. Аналогичные высокие результаты получены и для режима: 6 таксаны + препараты платины (58,3%). Высока роль достигнутого полного ответа и при химиотерапии по схеме: 4 антрациклины + 4 таксаны (51,7%) и 6 антрациклины + препараты платины (50%), $p=0,001$ (табл. 2).

Максимальный уровень pCR отмечен при проведении НАХТ с трастузумабом при HER2+ РМЖ: доля полных ответов составила 71,4% случаев; $p=0,001$ (см. табл. 2, рис. 2).

Выводы

Факторами-предикторами достижения полного морфологического ответа опухоли на НАХТ являются: гормононегативный статус опухоли, высокий пролиферативный потенциал (G3 и Ki-67 $> 20\%$), HER2+ статус. Оптимально назначение НАХТ при первично-операбельном РМЖ пациенткам с HER2+ карциномами (как люминальными, так и нелюминальными), но при условии проведения химиотерапии с анти-HER2 блокадой, что позволяет достичь pCR в 71,4% случаев. Предоперационная химиотерапия тройного негативного РМЖ также ассоциируется с высокой частотой достижения pCR (34,5%), особенно при использовании платиносодержащих режимов (50–71%). В нашем исследовании было выявлено, что НАХТ люминального HER2-негативного РМЖ ассоциируется с крайне низкой частотой достижения pCR (при люминальном А раке – 0%, при люминальном В – 10,7%), что делает ее нецелесообразной в данной когорте больных.

Литература/References

1. Тюляндин С.А. Системная терапия операбельного рака молочной железы. *Практ. онкология*. 2002; 3 (1): 29–37. / Tiuliandin SA.

Sistemnaia terapiia operabel'nogo raka molochnoi zbelezhy. Prakt. onkologiya. 2002; 3 (1): 29–37. [in Russian]

2. Практические рекомендации RUSSCO по лекарственному лечению злокачественных опухолей. М., 2015; с. 99–115. www.rosoncweb.ru/standarts/RUSSCO/07-2.pdf / *Prakticheskie rekomendatsii RUSSCO po lekarstvennomu lecheniiu zlokachestvennykh opukhlei*. М., 2015; s. 99–115. www.rosoncweb.ru/standarts/RUSSCO/07-2.pdf [in Russian]
3. Колядина И.В., Поддубная И.В. Современные возможности терапии HER2-положительного рака молочной железы (по материалам клинических исследований). *Современная онкология*. 2014; 16 (4): 10–21. / *Kolyadina IV, Poddubnaya IV. Modern possibilities of HER2 positive breast cancer treatment (based on clinical trials)*. *Journal of Modern Oncology*. 2014; 16 (4): 10–21. [in Russian]
4. Колядина И.В., Поддубная И.В., Павликова О.А., Комов Д.В. Особенности хирургического лечения больных раком молочной железы, получающих предоперационную лекарственную терапию. *Современная онкология*. 2016; 18 (1): 50–54. / *Kolyadina IV, Pavlikova OA, Komov DV. Features of surgical treatment of patients with breast cancer receiving preoperative systemic therapy*. *Journal of Modern Oncology*. 2016; 18 (1): 50–54. [in Russian]
5. Семиглазов В.Ф., Семиглазов В.В., Палтуев Р.М. и др. Неoadъювантное лечение рака молочной железы. Опухоли женской репродуктивной системы. 2014; 2: 30–6. / *Semiglazov VF, Semiglazov VV, Paltuev RM. i dr. Neoadjuvantnoe lechenie raka molochnoi zhelezy. Opukholi zhenskoi reproduktivnoi sistemy*. 2014; 2: 30–6. [in Russian]
6. Андреева Ю.Ю. и др. Методологические аспекты морфологической диагностики и оценки лечебного патоморфоза тройного негативного рака молочной железы. *Фарматека*. 2014; 4: 13–8. / *Andreeva Yu.Yu. i dr. Metodologicheskie aspekty morfologicheskoi diagnostiki i otsenki lechebnogo patomorfoza troinogo negativnogo raka molochnoi zhelezy*. *Farmateka*. 2014; 4: 13–8. [in Russian]
7. Семиглазов В.Ф., Семиглазов В.В. и др. Основные маркеры долгосрочной эффективности неoadъювантной терапии рака молочной железы (обзор литературы). *Современная онкология*. 2013; 4: 1–4. / *Semiglazov VF, Semiglazov VV et al. The main markers of the long-term efficiency of neoadjuvant chemotherapy in breast cancer (review of literature)*. *Journal of Modern Oncology*. 2013; 4: 1–4. [in Russian]
8. Консенсус совета экспертов по диагностике РМЖ. (11 октября 2015 года, Москва). www.patologru / *Konsensus sojeta ekspertov po diagnostike RMZh. (11 oktjabria 2015 goda, Moskva)*. www.patologru [in Russian]
9. Лавникова Г.А. Гистологический метод количественной оценки терапевтического повреждения опухоли. *Метод. рекомендации*. М.: Медицина, 1979. / *Lavnikova GA. Gistologicheskii metod kolichestvennoi otsenki terapevticheskogo povrezhdeniia opukholi. Metod. rekomendatsii*. М.: Meditsina, 1979. [in Russian]
10. Роцин Е.М., Зубанова А.А., Колядина И.В. Лечебный патоморфоз как критерий эффективности лечения и прогноза рака молочной железы. *Мед. альманах*. 2010; 12 (3): 48–53. / *Roshchin EM, Zubanova AA, Kolyadina IV. Lechebnyi patomorfoz kak kriterii effektivnosti lecheniia i prognoza raka molochnoi zhelezy*. *Med. almanakh*. 2010; 12 (3): 48–53. [in Russian]
11. Андреева Ю.Ю., Москвина Л.В., Березина Т.А. и др. Методика исследования операционного материала при раке молочной железы после неoadъювантной терапии для оценки остаточной опухолевой нагрузки (по системе RCB). *Арх. патологии*. 2016; 78 (2): 41–6. DOI: 10.17116/patol201678241-46 / *Andreeva Yu.Yu, Moskvina LV, Berezina TA. i dr. Metodika issledovaniia operatsionnogo materiala pri rake molochnoi zhelezy posle neoadjuvantnoi terapii dlia otsenki ostatocnoi opukholevoi nagruzki (po sisteme RCB)*. *Arkh. patologii*. 2016; 78 (2): 41–6. DOI: 10.17116/patol201678241-46 [in Russian]
12. Лисаева А.А., Вишневецкая Я.В., Роцин Е.М. и др. Лечебный патоморфоз злокачественных опухолей: клинические и морфологические критерии. *Классификация. Прогностическое значение лечебного патоморфоза при раке молочной железы и других опухолях. Опухоли женской репродуктивной системы*. 2011; 4: 19–23. / *Lisaeva AA, Vishnevskaya Ya.V, Roshchin EM. i dr. Lechebnyi patomorfoz zlokachestvennykh opukhlei: klinicheskie i morfologicheskie kriterii. Klassifikatsii. Prognosticheskoe znachenie lechebnogo patomorfoza pri rake molochnoi zhelezy i drugikh opukholyakh. Opukholi zhenskoi reproduktivnoi sistemy*. 2011; 4: 19–23. [in Russian]
13. Франк Г.А., Илатовская М.Е., Андреева Ю.Ю. и др. Роль и критерии оценки морфологического регресса рака молочной железы после неoadъювантной терапии. *Современная онкология*. 2015; 17 (2): 30–4. / *Frank GA, Ilatovskaya ME, Andreeva Yu.Yu. et al. The role and assessment of morphological regression after neoadjuvant therapy in breast cancer patients*. *Journal of modern oncology*. 2015; 17 (2): 30–34. [in Russian]
14. Balmatova D, Marchio C, Maule M et al. Pathological non-response to chemotherapy in a neoadjuvant setting of breast cancer: an inter-institutional study. *Breast Cancer Res Treat* 2014; 148: 511–23. DOI: 10.1007/s10549-014-3192-3
15. Bossuyt V et al. Recommendations for standardized pathological characterization of residual disease for neoadjuvant clinical trials of breast cancer by the BIG-NABC collaboration. *Ann Oncol* 2015; p. 1–12.
16. Cortazar P et al. Pathological complete response and long-term clinical benefit in breast cancer: The CTNeoBC pooled analysis. *Lancet* 2014; 384 (9938): 164–72.
17. Поддубная И.В., Колядина И.В. Неoadъювантная химиотерапия HER2-положительного рака молочной железы. *Практическое руководство*. М.: МедиаМедика, 2016; с. 92. / *Poddubnaya IV, Kolyadina IV. Neoadjuvantnaya khimioterapiia HER2-polozhitel'nogo raka molochnoi zhelezy. Prakticheskoe rukovodstvo*. М.: MediaMedika, 2016; s. 92. [in Russian]

Сведения об авторах

Павликова Ольга Аркадьевна – аспирант каф. онкологии ФГБОУ ДПО РМАНПО. E-mail: pavlikova.olga@mail.ru

Колядина Ирина Владимировна – д-р мед. наук, проф. каф. онкологии, ст. науч. сотр. НИЦ ФГБОУ ДПО РМАНПО, ФГБУ «РОНЦ им. Н.Н.Блохина». E-mail: irinakolyadina@yandex.ru

Комов Дмитрий Владимирович – д-р мед. наук, проф., зав. хирургическим отд-нием диагностики опухолей ФГБУ «РОНЦ им. Н.Н.Блохина»

Вишневецкая Яна Владимировна – канд. мед. наук, вед. науч. сотр. отд-ния патологической анатомии ФГБУ «РОНЦ им. Н.Н.Блохина»

Поддубная Ирина Владимировна – акад. РАН, д-р мед. наук, проф., зав. каф. онкологии ФГБОУ ДПО РМАНПО, ФГБУ «РОНЦ им. Н.Н.Блохина»